

Вызовы и угрозы украинского милитаризма для национальной безопасности современной России

Д. Л. Цыбаков¹, И. К. Василенко²

¹Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий России, Химки, Россия
d413839@yandex.ru

²Донецкий национальный университет, Донецк, Россия, fcl.jur@donnu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины. Обосновывается формирование национально-государственной модели украинского милитаризма в период с 1991 по 2022 годы. Анализируются идейно-политические предпосылки украинского милитаризма и его взаимосвязь с различными идеологическими учениями экстремистского толка. Рассматриваются этапы милитаризации украинского государства, на основании чего делается вывод о формировании новых вызовов и угроз для национальной безопасности современной России. Аргументируется необходимость концептуального закрепления представлений об украинском милитаризме в доктринальных документах обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: милитаризация, милитаризм, национализм, международные отношения, вызов, угроза, национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Цыбаков Д. Л., Василенко И. К. Вызовы и угрозы украинского милитаризма для национальной безопасности современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 37–44.
DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_37

Original article

Challenges and Threats of Ukrainian Militarism for the National Security of Modern Russia

Dmitry L. Tsybakov¹, Igor K. Vasilenko²

¹Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Khimki, Russia
d413839@yandex.ru

²Donetsk National University, Donetsk, Russia, fcl.jur@donnu.ru

Abstract. The article studies the militarization of the foreign and domestic policy of post-Soviet Ukraine. The formation of the national-state model of Ukrainian militarism in the period 1991–2022 is substantiated. The article analyzes the ideological and political prerequisites of Ukrainian militarism and its relationship with various extremist ideological doctrines. The stages of militarization of the Ukrainian state are considered, on the basis of which the conclusion is made about the formation of new challenges and threats to the national security of modern Russia. The necessity of conceptual consolidation of ideas about Ukrainian militarism in the doctrinal documents of ensuring the national interests of the Russian Federation is argued.

Keywords: militarization, militarism, nationalism, international relations, challenge, threat, national security, national security strategy

For citation: Tsybakov, D. L., Vasilenko, I. K. (2023). Challenges and threats of Ukrainian Militarism for the national security of modern Russia // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 37–44. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_37

ВВЕДЕНИЕ

Кризис современных международных отношений, достигший своего апогея на протяжении 2022 года, имеет под собой как объективные, так и субъективные основания. С объективной точки зрения такое развитие событий было неизбежно, так как стремление Российской Федерации преодолеть разрушительные последствия «холодной войны» и распада СССР закономерно вело к конфликту с новыми мировыми гегемонами. Однако то, что эпицентром военно-политической эскалации Россия – Запад стали территории бывшей Украинской ССР, а также территории новых регионов Российской Федерации, обусловлено обстоятельствами преимущественно субъективного происхождения, а именно – влиянием на единое пространство безопасности политически деструктивных факторов таких как украинский национализм и милитаризация постсоветской украинской государственности.

Именно благодаря индокринации указанных феноменов оказалось трансформировано массовое политическое сознание бывшей союзной республики, породившее череду волн насилия и обернувшееся прямым геноцидом русского населения Новороссии. Различные вариации националистических доктрин традиционно становились предметом исследования политической науки [Ланцов, 2014]. При этом влияние милитаризации Украины на состояние национальной безопасности России до настоящего времени не анализировалось в рамках развернутого политологического исследования.

Кроме того, экспансионистская направленность украинского милитаризма в XXI столетии приобрела особенно опасное значение: в угоду идеям этнического превосходства их последователи готовы к самым антигуманным и авантюрным действиям в области международной и региональной безопасности. Сегодня вполне очевидно, что на фоне набирающего обороты вооруженного конфликта, весьма неустойчивый конгломерат группировок украинского «политического класса» все более укрепляет свою международную субъектность. На стороне киевского режима фактически полностью выступают НАТО и Европейский союз, дрейф которого в сторону милитарной политики достаточно давно был отмечен исследователями [Емельянова, 2010]. Причем наличие альтернативных позиций руководства Венгрии и Турции лишь в малой степени способно ограничить внешнюю поддержку милитарной политики администрации В. Зеленского. На протяжении 2021–2022 годов кардинально изменились позиция правительства ФРГ и Франции, которые ранее не демонстрировали открытой

поддержки наращиванию военно-политического потенциала Киева.

В свою очередь, именно благодаря оказанию прямой помощи украинским властям в противостоянии с Российской Федерацией усилились процессы милитаризации евроатлантического сообщества, его наднациональных структур и институтов. На основании приведенной аргументации следует вывод о появлении в первом десятилетии XXI столетия новой национально-государственной разновидности милитаризма, возникшей после распада Советского Союза на территории бывшей Украинской ССР. Данную разновидность милитаризма следует классифицировать по аналогии с такими известными историческими типами, как «прусский», «японский», «американский» или «британский» милитаризм.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ УКРАИНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Прежде всего, необходимо рассмотреть идейно-политические основания украинского милитаризма, в качестве которых выступают различные версии и вариации украинствующих националистических течений [Вишлев, 2020]. Современный украинский национализм схематично представлен тремя основными идеологическими течениями. На основе проведенного аналитического исследования следует выделить такие характерные для постсоветской Украины направления, как этнический национализм, политический национализм, неонацизм. Наряду с общей тенденцией к открытой русофобии и шовинизму им присущи некоторые специфические качества, обусловленные региональными и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на мировоззренческие установки населения Галиции и частично Волыни. Первыми из земель Рюриковичей они оказались под прямым влиянием католических держав, будучи официально наименованы в XIV столетии польской короной как «воеводство Русское». Идейно-мировоззренческие принципы данного течения оформились в рамках униатской конфессии, а организационная основа начала формироваться в период австрийского владычества в противовес польской шляхетской корпорации и опиралась на структурные компоненты мафиозного типа. В современном украинском политикуме адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Однако устойчивых политических объединений всеукраинского масштаба им

образовать не удалось ввиду крайне незначительного материального и интеллектуального ресурса и региональной / местечковой ограниченности.

Политический национализм на постсоветской Украине охватывает ареал центральных областей страны и опирается на социальный заказ финансово-промышленных групп Днепропетровска, в обобщенном виде известный со времен позднего СССР как «днепропетровский клан». В отличие от этнических националистов, однозначно трактующих пребывание Малороссии в составе Российской империи и СССР как якобы «колониальный период», политические националисты склонны к спекуляциям на темы выдающейся, просветительской роли украинцев (или произвольно причисляемых к таковым) в становлении общей государственности XVIII–XX столетий. В период 1990–2020-х годов политический национализм, ставший знаменем зонтичного «днепропетровского клана», позволил перехватить предпочтения социально активных сограждан и прочно закрепиться в системе приватизированной различными олигархическими группировками государственной власти. В качестве мировоззренческой приманки используется создание автокефальной православной церкви, подчиненной Константинопольскому патриархату. Помимо других факторов наличие такой внешне относительно умеренной вариации национализма способствовало международной легитимации киевского режима.

Неонацизм как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя преимущественно после 2014 года. Его социальной базой являются Юго-Восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Слобожанщина и западная, оставшаяся по итогам Минских соглашений за киевскими властями, часть Донбасса, были использованы олигархатом Харькова и остатками «донецкого клана» для выдвижения собственной версии ультранационализма. Его отличает ставка на откровенный «белый расизм» и оккультные ритуалы сектантского неоязычества. Эта версия политического радикализма, наряду с традиционной русофобией, в то же время остается своеобразной попыткой идеологической конкуренции с галицийскими этнократами, не воспринимающими русское население Юго-Востока в качестве «полноценных украинцев».

ЭТАПЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Очевидно, что процесс милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины, таким образом, имел под собой причины как

внутреннего, так и внешнего происхождения. К первым следует отнести незавершенный и во многом искусственный характер государственности того политического субъекта, что был конституирован на территории бывшей Украинской ССР после 1991 года. Следует учитывать, что постсоветская Украина не обладала иной выраженной идеологической детерминантой кроме отчетливо выраженной русофобии. Традиционная нацеленность идейных доктрин националистического толка на конфликт практически со всеми контактирующими этносами – поляками, евреями, татарами, оказался в значительной мере нивелирован тем обстоятельством, что в составе нового украинского государства в 1990-х годах оказались исторические русские земли. Новороссия и Слобожанщина составляли примерно половину территории, притом наиболее цивилизованных и культурно развитых, оказавшейся под властью Киева после 1991 года. В результате между Россией и Украиной произошел разлом не по линии «метрополия–колония», а по вектору «одна часть метрополии – другая часть метрополии». С тех пор имеет место раскол идейно-политического и политико-экономического фундамента исторической Большой России. Вследствие означенного раскола стала неизбежной конкуренция, столкновение или противоборство между двумя основными частями былого цивилизационного монолита.

Именно отмеченными выше соображениями можно объяснить стремление украинского руководства в максимально ускоренном темпе нарастить свой милитаристский потенциал в период суверенизации новых независимых государств СНГ в 1992–1993 годы. Закономерно, что администрация президента Л. Кравчука прямо торпедировала создание единых Вооруженных сил под эгидой Содружества Независимых государств, организовав присвоение войсковых частей, соединений и объединений бывшей Советской Армии и не подписав Договор об образовании Объединенных Вооруженных сил СНГ от 14 февраля 1992 года. В этом же контексте следует расценивать многолетние попытки захвата Черноморского флота киевскими властями, продолжавшиеся до его раздела в 1997 году.

Заметим, что процесс милитаризации постсоветской Украины происходил весьма противоречиво, поскольку в распоряжении Киева оказался такой военный и технологический потенциал, который был явно избыточен для реальных возможностей бывшей союзной республики. К тому же, как и все другие новые независимые государства СНГ, она оказалась в условиях масштабной деиндустриализации.

Серьезным препятствием к развитию милитаристских проявлений Украины выступало наличие близких к России социокультурных, этнических и социальных сообществ Юго-Востока Украины [Баранов, Конов, 2009]. На протяжении 1990–2000-х годов они раз за разом оказывали электоральную поддержку политикам, декларирующим идеи сближения с Российской Федерацией. Другим весомым фактором отката процесса милитаризации Украины, который наметился к концу 1990-х годов, стала стратегическая линия российского руководства на умиротворение и односторонние уступки своему юго-западному соседу. Волонтаристское признание внутренних административных границ СССР в качестве государственных нашло продолжение в отказе от широкой поддержки ирредентистских настроений среди русской общины бывшей Украины. В 1996 году со стороны Москвы не была отмечена никакая-либо реакция на фактическую ликвидацию политико-территориальной автономии республики Крым, включая нелегитимное изменение конституции этого субъекта. Вслед за означенными событиями и явлениями был подписан и в 1998 году не без проволочек ратифицирован российским парламентом Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

Убедившись в неготовности Москвы вести борьбу за соби́рание русских земель, помноженной на необходимость ликвидации сепаратизма на Северном Кавказе, украинский «политический класс» не видел необходимости в дальнейшей последовательной военной политике. Одновременно со снижением значения фактора противостояния Российской Федерации, украинский милитаризм получил определенную подпитку со стороны внешних сил, будучи втянут в военно-политическое сотрудничество с США, блоком НАТО и его сателлитами из числа государств Восточной Европы. Означенные общественные тенденции и процессы по времени пришлось на начало американских операций в Афганистане и Ираке и выразились в отправке военных контингентов в составе сформированных под патронажем Вашингтона международных оккупационных сил. Именно во время этих операций украинские вооруженные силы впервые приняли участие в военных действиях, которые в полной мере укладывались в формат колониальных войн. В то же время происходило приобщение граждан Украины к различным негосударственным проявлениям милитаризации постиндустриального типа, характерного для эпохи глобализации, включая вербовку в многочисленные частные военные компании и группировки наемников.

Очередным доказательством пассивности Российской Федерации стали события «померанчевой

революции» 2004 года, которые, однако подтвердили раскол Украины на проевропейский и проамериканский Запад и условно пророссийский Восток. С этого времени имеет смысл вести отсчет *второго этапа милитаризации* украинской политики. Во многом его наступление было связано с внешним фактором – с продолжением реализации концепции «расширения НАТО на Восток». Апогеем этого этапа стала поддержка администрацией президента В. Ющенко агрессии Тбилиси против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года. Позиция Украины в означенном международном конфликте проявилась как в период подготовки сил вторжения режима М. Саакашвили, так и непосредственно во время военных действий «олимпийской войны».

Авантюризм команды В. Ющенко обусловил очередной откат в процессе милитаризации Украины, который пришелся на период правления В. Януковича, нацеленного на лавирование между Западом и Россией. В результате общая недееспособность и идеологическая несостоятельность украинской государственности спровоцировали системный кризис политической системы и государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года. Последовавшая вслед за этим «Русская весна», воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, провозглашение Донецкой и Луганской народных республик, привели к обвальному всплеску национализма и наступлению *третьей фазы милитаризации* общества и государства в соседней стране.

На протяжении 2014–2022 годов украинский милитаризм приобрел наиболее откровенные формы своего внутреннего и внешнего выражения, что выразилось в тесном сотрудничестве с евроатлантическими институтами и постепенной интеграции с военной организацией НАТО без фактического вступления в этот военно-политический блок.

ЭСКАЛАЦИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНЫ В 2014–2022 годах

Наиболее опасные проявления милитаризма после 2014 года охватили целый ряд сфер социальной жизнедеятельности Украины.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Приняты решения об отказе от внеблокового статуса Украины, отменены статьи конституции о международном нейтралитете и запрете размещения на своей территории иностранных военных баз.

Во вновь утвержденных доктринальных документах Российская Федерация объявлялась вероятным противником, обосновывалась необходимость союза с Североатлантическим альянсом для дальнейшего обретения членства в этой организации. В данном политическом контексте следует оценивать отказ режима П. Порошенко от продления срока действия Договора о дружбе и сотрудничестве с Российской Федерацией, который имел место в 2019 году.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Приняты и реализованы планы военной оккупации республик Донбасса, разработаны варианты полномасштабной войны с Российской Федерацией. Нарощен потенциал военной организации, проведены четыре этапа всеобщей мобилизации. Созданы органы высшего военно-стратегического управления. Сформированы новые компоненты военной организации в виде территориальной обороны и корпуса армейского резерва, в состав армии и национальной гвардии включены многочисленные парамилитарные и карательные неонацистские отряды. Нарастает взаимодействие с зарубежными военными организациями и иностранными ЧВК.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРЫ

В 2014–2015 годах завершено формирование «образа врага» в виде русских граждан Украины, уроженцев ЛДНР, сформировано представление об исторической России как экзистенциальной угрозе для существования украинского общества. На государственном уровне произошел запрет на патриотическую символику советского периода, подкрепленный реставрацией пропаганды всех видов антироссийского коллаборационизма, несколько ограниченной в период правления президентства В. Януковича. Расширяется спектр экстремистских масс-медиа и социальных сетей. Наряду с «этнической» и «политической» версиями национализма оформляется еще более радикальный и антигуманный неонацистский его вариант, парамилитарные отряды последователей которого пополняют ряды вооруженных сил.

Расширяется спектр субъектов информационно-психологической борьбы, ведение которой обеспечивается на основе американской доктрины «Стратегической коммуникации / диалоговой пропаганды». Информационно-пропагандистская составляющая за счет патронируемых из-за рубежа

программ и курсов становится обязательным элементом подготовки военнослужащих и членов националистических партий и организаций.

В экономической области отмечается кратное возрастание военных расходов, возобновление научно-конструкторских разработок и военных производственных комплексов. По мере возможности производятся закупки передовых вооружений за рубежом, включая использование нелегальных каналов торговли оружием. Для финансирования милитаристских проектов привлекаются возможности украинского олигархата и рядовых граждан – введение особого налога «на оборону».

В социальной сфере очерчиваются контуры специфической маргинальной агрегации, пропитанной русофобскими настроениями и существующей за счет обслуживания милитаристской политики правящего режима. Подтверждаются экспертные оценки повышения значимости общественных институтов в вооруженных конфликтах [Мищенко, 2021]. В состав армии и негосударственных военизированных формирований активно рекрутируются социальные и половозрастные группы, традиционно далекие от военного дела – женщины и подростки. Весьма мозаичный конгломерат различных волонтерских, «ветеранских», правозащитных, военно-спортивных, пропагандистских объединений, сложившихся для оказания поддержки карательной операции (АТО, ООС) против республик Донбасса представляет собой социальную опору милитаризации по-украински. Одновременно указанный сегмент служит инструментом подавления инакомыслящих, дополняя государственные политические репрессии перманентным социальным террором.

В политической сфере имеет место деформация политической системы: в ряды вооруженных сил проникают эмиссары националистических группировок, тогда как партии и общественные движения пополняются участниками вооруженного конфликта на Донбассе. В структуре представительной и исполнительной власти оформляются милитаристские лоббистские группы, влияющие на стратегические государственные решения и подпитывающие агрессивный психологический фон их разработки и претворения на практике. Практически все политические партии и движения кооптируют в свой руководящий состав участников карательных операций против Донецкой и Луганской народных республик. Укрепляются контакты с радикальными группировками и их вдохновителями в зарубежных странах, на Украину начинается паломничество представителей экстремистских и террористических организаций.

В результате произошедших трансформаций вызовы украинского милитаризма преобразились в опасности для национальных интересов Российской Федерации. В определенной мере сдерживающее значение для милитаризации соседней страны оказывала международная обстановка: умеренный подход правящих элит «Старой Европы» не предполагал открытого подавления национально-освободительного движения Новороссии и допущения войны с Российской Федерацией. Аналогичную позицию занимала республиканская администрация президента США Д. Трампа, не заинтересованная в эскалации на постсоветском пространстве. Ситуация кардинально изменилась после прихода к власти в Вашингтоне глобалистов из Демократической партии. Окружение Д. Байдена взяло открытый курс на провоцирование втягивания Российской Федерации в затяжной конфликт высокой интенсивности. Очевидно, что стратегическая цель Вашингтона состоит в полном демонтаже архитектуры безопасности, выстроенной в ближнем зарубежье в постсоветский период. Политика по международной изоляции Российской Федерации была доктринально закреплена в США еще в период 2014–2015 годов, а затем обрела новое содержание после поражения трампов на президентских выборах в декабре 2020 года.

С этого момента кардинально изменилась стратегия администрации В. Зеленского, до того времени полагавшейся на информационно-пропагандистскую обработку массового сознания в республиках Донбасса и использование Минских соглашений для геополитической капитуляции России. Поэтому современный, четвертый этап милитаризации современной Украины ведет свой отсчет скорее не с начала Специальной военной операции в феврале 2022 года, а со смены стратегии режима Зеленского в деле подавления ЛДНР.

Вероятно, следуя указаниям заокеанских кураторов, киевские власти форсировали подготовку к «молниеносному удару» по народным республикам, что означало переход украинского милитаризма из состояния опасности в состояние прямой угрозы для национальной безопасности Российской Федерации. На этом этапе намерения Киева получали уже не только опосредованную, но и прямую поддержку англосаксонских держав. Ее примерами являются военные демонстрации непосредственно на границах России: такие, как развертывание британских учебных центров в Северном Причерноморье, вторжение кораблей эскадры Великобритании в территориальные воды вблизи Севастополя или отработку ударов американской стратегической авиацией в воздушном пространстве Украины. В этом же контексте следует рассматривать поспешную

эвакуацию экспедиционного корпуса США из Афганистана летом 2021 года, что позволило Вашингтону сконцентрировать усилия на наиболее актуальном, по его оценке, театре современной геополитической борьбы.

Четвертый этап милитаризации украинской государственности представляет собой открытую и наиболее выраженную угрозу национальной безопасности России. Правящему режиму Киева удалось мобилизовать ресурсы социума на идеологической русофобской основе и нарастить потенциал военно-политического экспансионизма, целью которого выступает отторжение новых регионов Российской Федерации. Возникают предпосылки для установления в недалеком будущем прямой или опосредованной военной диктатуры в Киеве.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Итогом радикализации украинского общества и политической системы страны стало завершение построения новой модели милитаризма. Особая опасность таковой заключается в оформлении как внутренней, так и внешней форм милитаризации. Из-за названного обстоятельства милитаризм постсоветской Украины отличается от аналогов, функционирующих в государствах западной цивилизации, где внешний военно-политический экспансионизм совмещается с сохранением основных признаков либеральной демократии. Безусловно, демократическую систему в США и Западной Европе сегодня отличают многочисленные дефекты, искажения и принципиальные противоречия, однако она еще не утратила до конца таких параметров как состязательность в борьбе за власть и плюрализм мнений. И напротив, на Украине за последние восемь лет произошло поглощение националистическим консенсусом всей политической системы страны. Ввиду чего в настоящий момент на Украине нет никакой политики, кроме политики войны. Деятельность всех государственных, политических и общественных структур (последней из них, пытавшейся занимать оппортунистическую позицию оставалась Украинская православная церковь Московского патриархата) подчинена одной цели: тотальная мобилизация всех ресурсов в целях достижения победы в противоборстве с Россией. Обращение какой-либо из политических сил даже к частичному ограничению милитаристского дискурса грозит обернуться для нее масштабными репрессиями со стороны объединенных усилий уличной

охлократии, государственных органов и армии. Именно этим объясняется стремительная превращение В. Зеленского из «политика мира» в лидера украинской «партии войны».

Определенные параллели можно провести между украинским обществом и социумом Японии в 1930-х годах. Общими признаками двух социумов следует назвать: агрессивную милитаризацию, вмешательство генералитета в любые сферы общественной жизни, подавление инакомыслия, официальные цели территориальной экспансии, идеологию национального превосходства [Танин, Иоган, 1933]. Очевидны попытки пропагандистской машины внедрить в массовое сознание мифическую идею происхождения современной государственности на основе деяний воинского сословия далекого прошлого, где маргинальные «козаки» представляются в качестве подобия японских самураев.

Заметим, что украинский милитаризм, как и государственность этой бывшей союзной республики в целом, имеет в большей степени искусственный, конъюнктурный характер, не обладая прочным историческим фундаментом и, будучи основана на симулякрах. В украинском обществе отсутствует сакральная символическая фигура, наподобие японского императора, использование авторитета которого позволило союзникам в 1945 году закрепить военную победу над милитаризмом «Страны Восходящего Солнца» в нормативной и духовной областях.

Ситуация усугубляется практически состоявшейся интеграцией Украины в глобальную систему милитаризма постиндустриального мира, что означает превращение киевского режима в передовой эшелон евроатлантического гегемонизма. Последний выступает в качестве ресурсной, военно-технологической, информационной и политико-дипломатической опоры украинской милитаризации. Особенная роль на этом этапе милитаризации принадлежит политике правительства Польской республики, в реваншистских целях формирующего антироссийский и антибелорусский военно-политический альянс с Киевом. Уникальность ситуации в том, что украинский милитаризм не только следует в фарватере стратегий своих покровителей, но и одновременно служит

катализатором процесса мировой милитаризации, из-за своей авантюрной политики представляя угрозу для единого пространства безопасности Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стратегические интересы Российской Федерации требуют концептуального закрепления понятия «украинский милитаризм» в существующей нормативной базе обеспечения национальной безопасности. Рассмотренный феномен по своей сути превратился в одного из инициаторов милитаризации международных отношений, за короткий срок переформатировавшись из потенциального вызова в наиболее актуальную угрозу для суверенитета и территориальной целостности России в XXI столетии. Следует признать, что экспертное сообщество нашей страны не уделяло в последние годы должного внимания милитарному вектору украинской политики. Что имеет следствием не только пробелы в научном познании, но и просчеты в стратегическом планировании. В качестве примера можно привести призывы к ВСУ «брать власть в свои руки», прозвучавшие в начале Специальной военной операции.

Назрела необходимость принятия новой редакции Стратегии национальной безопасности России, а также внесения дополнений в содержание связанных с ней иных доктринальных документов – Доктрины информационной безопасности, Стратегии экономической безопасности и других. То же самое касается нормативной базы противодействия терроризму и экстремизму. Скорейшее обновление методологического инструментария обеспечения национальной безопасности должно подразумевать решение таких задач как исследование предпосылок, типологии, характерных черт, последствий практических проявлений милитаризации украинской политики. На основе чего представляется вероятным повышение эффективности экспертных оценок и прогнозов развития ситуации в сфере защиты национальных интересов России в XXI столетии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ланцов С. А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 15. С. 124–131.
2. Емельянова Н. Н. Европейский союз, вооруженные силы и международное право. М. : ЮрисПруденс, 2010.
3. Вишнев О. В. «Бастион Европы»: к вопросу об идеологии и программных целях украинского национализма // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 96–115.
4. Баранов С. Д., Конов Д. В. Русская нация. Современный портрет. М. : Митель Пресс, 2009.

5. Мищенко И. Е. Футурология милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования // Человек. Культура. Образование. 2021. № 2 (40). С. 137–140.
6. Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М. : Партиздат, 1933.

REFERENCES

1. Lantsov, S.A. (2014). Ukrainiskij nacionalizm kak destabilizirujushhij faktor na evrazijskom prostranstve: nekotorye aspekty genezisa = Ukrainian nationalism as the destabilizing factor in the Eurasian region: Some aspects of the genesis. URASIAN INTEGRATION: economics, law, politics, 15, 124–131. (In Russ.)
2. Emelyanova, N. N. (2010). Evropejskij soyuz, vooruzhennye sily i mezhdunarodnoe parvo = European Union, armed forces and international law. Moscow: JurisPrudence. (In Russ.)
3. Vishlev, O. V. (2020). «Bastion Evropy»: k voprosu ob ideologii i programmnyh celyah ukrainskogo nacionalizma = «Bastion of Europe»: on the ideology and program goals of Ukrainian nationalism. The International Affairs, 2, 96–115. (In Russ.)
4. Baranov, S. D., Konov, D. V. (2009). Russkaya naciya. Sovremennyy portret = The Russian Nation. Modern portrait. Moscow: Mitel Press, 2009. (In Russ.)
5. Mishchenko, I. E. (2021). Futurologija militarizma: osnovanija i opyt sociokul'turnogo prognozirovaniya = Futurology of Militarism: foundations and experience of sociocultural forecasting. Human, Culture, Education, 2(40), 137–140. (In Russ.)
6. Tanin, O., Johan, E. (1933). Voenno-fashistskoe dvizhenie v Yaponii = The military fascist movement in Japan. Moscow: Partizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыбаков Дмитрий Леонидович

доктор политических наук, доцент
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика

Василенко Игорь Константинович

кандидат юридических наук, доцент
Донецкого национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsybakov Dmitry Leonidovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Associate Professor
Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Civil Defence Academy
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences
of Natural Disasters

Vasilenko Igor Konstantinovich

PhD (Law), Associate Professor
Donetsk National University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2023
07.02.2023;
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication